

Во время событий на Даманском автор этого материала, ветеран пограничной службы, Герой Советского Союза генерал-лейтенант Виталий Бубенин был лейтенантом, затем стоял у истоков формирования группы «Альфа»*.

* По материалам газеты «Известия»

До событий на Даманском в течение года ожесточенные рукопашные схватки между пограничниками заставы Сопки Кулебякинские, которой я командовал в то время, и хунвейбинами были делом почти обыденным. В этих ледовых боях мои бойцы — рослые сибиряки с кулаками молотобойцев — выходили безусловными победителями. Потом из Северного Китая были подтянуты резервы — и на каждого сибиряка стали наваливаться по несколько человек. Китайцы вооружались баграми, кольями и палками с вбитыми в них гвоздями. Бронежилетов тогда еще не было — от гвоздей спасали толстенные зимние полушубки. Потом мы поняли, что традиционным способом много не навоеум — выстругали рогатины и обзавелись булавами на манер богатырских. «Китаец — он чай не крепче медведя будет», — говорили мои сибиряки. В первом же бою это оружие показало себя самым лучшим образом: общую толпу стопорили рогатинами, а прорвавшихся глушили булавами. Оружие приобрело бешеную популярность на всех близлежащих заставах.

Начальники самых «упертых» застав — Иван Стрельников и я — были объявлены «ревизионистами». В поселках Северного Китая нас знала последняя собака — портреты с нашими фотографиями висели там на всех заборах. За «ревизионистами» во время побоищ развернулась самая настоящая охота. Однажды во время схватки китайцы по ошибке затащили в кузов машины другого офицера. Увидев, что обознались, они вышвырнули его за борт и снова ринулись в толпу дерущихся — в поисках нужной добычи.

Даманский: взгляд через советский прицел

Автор: Виталий Бубенин, генерал-лейтенант
26.07.2012 17:26 -

Цель всех этих акций была одна — спровоцировать нас на открытие огня. Но все их усилия результата не приносили. Мы по-прежнему с ожесточением волтузили друг друга на снегу, но автоматы висели у нас за спиной. Однажды прибывший на заставу молодой боец не выдержал, когда вокруг его шею закрутили ремень автомата и поволокли его к машине, он засадил длинную очередь по колесам. Китайцы быстро запрыгнули в машину и уехали на ободах, но инцидент тогда огласки не получил.

Потом китайцы стали выходить на лед с карабинами. Потом к карабинам примкнули штыки. Но и мы успели примкнуть к автоматам штык-ножи и ответили встречной «штыковой». Потом в патронниках китайских карабинов появились патроны. Ситуация накалялась с каждым днем.

Самое знаменитое побоище, в котором приняло участие свыше тысячи человек, состоялось в январе 1968 года. Свыше восьмисот хунвэйбинов приехали на свой берег на колонне грузовиков. Гремела музыка, ораторы надрывались, толпа редела. Раздали багры и палки с гвоздями. «Товарищ командир, они решили идти до конца», — сказал мне переводчик-кореец. Противостояли китайцам от силы три сотни зеленых фуражек — к нам успела подойти мотоманевренная группа. Через полчаса рукопашного боя я понял, что чаша весов медленно, но верно склоняется на сторону противника. Надо было спасти ситуацию. Подбежав к БТР, я приказал механику рассеять толпу. «Там же люди», — глянул на меня водитель. «А ты не смотри — двигай рычагами, и все». Запрыгнув на броню, я закрыл гуманисту смотровые щели и стал командовать: «право», «влево»... Когда мы развернулись, я увидел, что на снегу остались лежать четыре китайца. Остальные, не дожидаясь продолжения, бросились на другой берег.

На следующий день состоялись пышные похороны. Гробы у них были шикарные — как сейчас помню. А информационное агентство «Синьхуа» твердило мою фамилию...

А потом был Даманский. Китайский батальон — ориентировочно четыреста человек — прибыл на остров скрытно, ночью. Каждый тщательно замаскировался — все были засыпаны снегом. Первой на остров прибыла группа бойцов Стрельникова — моего товарища по соседней заставе. Китайцы расстреляли их в упор. Мы были только на подходе. Растянулись в цепь и двинулись к острову. И тут же попали под шквальный огонь. Свой боезапас расстреляли быстро — тогда пограничникам полагалось всего по два магазина. Стали отходить. С китайского берега били минометы, отрезая дорогу к берегу. Я не мог пошевелиться — меня обрабатывал снайпер в паре с пулеметчиком, не давая поднять голову. Полушубок на спине ходил ходуном — пули распускали его на лоскуты. Помог случай — мина легла совсем рядом, меня взрывной волной выбросило из

укрытия и швырнуло под березу. А срубленная пулеметной очередью береза аккуратно легла передо мной, на какое-то время спрятав от китайцев. Тогда я получил первую контузию. Весь дальнейший бой я вел на подсознании, находясь в каком-то ином мире. Выбравшись на берег и сев в БТР, мы с бойцами зашли к противнику в тыл. Перед машиной ошарашенные китайцы вставали из-под снега один за другим. Только тогда мы поняли, сколько их пришло по наши души... Два с лишним часа боя мы так и кружили вокруг их позиций, давя и расстреливая. Когда после очередного круга мы выбрались на другой берег, выяснилось, что на ногах из всей заставы осталось четверо. Мы отправили убитых и раненых на заставу, молча обнялись, немного постояли и пошли обратно, в сторону острова. Каждый понимал, что из этого боя он уже не вернется.

А потом подошли свои. С нашего берега ударила артиллерия. Китайский батальон был деморализован и смят. Всего в том бою, по официальным данным, poleglo свыше двухсот китайцев. По мнению военспецов, аналогов такого боя не было даже в истории Великой Отечественной. Трое — Иван Стрельников, сержант Юра Бабанский и я — получили звание Героя. Иван — посмертно. Десятерым дали ордена Красного Знамени. Остальным — ордена Красной Звезды и другие награды.